

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

СПАСИТЕ!

(S. O. S.)

Съ предисловіемъ Вл. Бурцева.

PARIS

Imprimerie « Union »; 46, Bd Saint-Jacques

—
1919

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

СПАСИТЕ!

(S. O. S.)

Съ предисловіемъ Вл. Бурцева.

PARIS

Imprimerie « Union », 46, Bd Saint-Jacques

—
1919

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Леонидъ Николаевичъ Андреевъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ русскихъ писателей. Это — глубокій, горячій русскій патріотъ, демократъ, цѣлые годы энергично боровшійся съ царизмомъ, — другъ союзниковъ, заклятый врагъ большевиковъ и нѣмцевъ.

Во время войны его пламенные обращенія къ русскому народу, рабочимъ, крестьянамъ, солдатамъ, его проклятія нѣмцамъ и большевикамъ не разъ производили въ Россіи потрясающее впечатленіе и расходились въ милліонахъ экземплярахъ. Въ исторіи нынѣшней войны и въ исторіи борьбы русскаго народа съ нѣмцами и большевиками, статьи и воззванія Л. Н. Андреева останутся на всегда, какъ замѣчательнѣйшіе документы сзоег) времени.

Мы, русскіе, не можемъ безъ глубокаго волненія перечитывать новое воззваніе Л. Н. Андреева.

Въ немъ Л. Н. Андреевъ выразилъ наши думы, нашу любовь, нашу ненависть, наши нынѣшнія тревоги и сомнѣнія.

Это — крикъ русскаго патріота, глубоко любящаго свою родину. Онъ видитъ безмѣрно страдающую родину и въ то же самое время беззавѣтно вѣрится въ ея великое, свѣтлое будущее.

Мы хотѣли-бы, чтобы то, что пишетъ Л. Н. Андреевъ, прочитали за-границей всѣ: — и наши друзья и наши враги.

О томъ, о чемъ говоритъ Андреевъ, говоритъ и думаетъ повсюду подавляющее большинство всего населенія Россіи — и особенно, быть можетъ, тамъ, гдѣ царятъ большевики и гдѣ они не даютъ никому свободно говорить.

Въ началъ нынѣшней войны, русскіе клялись вмѣстѣ съ союзниками бороться съ нѣмцами до конца. Въ этой войнѣ они пожертвовали многими милліонами жизней своихъ сыновъ. Безъ ихъ помощи у союзниковъ не было бы побѣды надъ нѣмцами, и союзники теперь не были бы въ Германіи, а наоборотъ: нѣмцы были бы у нихъ, въ ихъ Парижѣ.

Тѣ русскіе, которые до сихъ поръ остались вѣрны тогдашней своей клятвѣ, ждутъ отъ своихъ союзниковъ выполненія ихъ клятвы.

Мы не хотимъ допустить и мысли, что наши надежды не оправдаются.

Мы вѣримъ, что союзники, въ концѣ концовъ, пропустивши много драгоценнаго времени, пойдутъ навстрѣчу Россіи въ ея борьбѣ съ насѣдниками нѣмцевъ и царизма — большевиками.

Безъ побѣды надъ большевиками у самихъ союзниковъ не можетъ быть полной побѣды надъ нѣмцами и нынѣшняя побѣда союзниковъ надъ нѣмцами на дѣль никогда не будетъ побѣдой.

Союзники не могутъ спокойно жить, пока не будетъ восстановлена великая, сильная, свободная Россія.

Вл. Бурцевъ.

24. III. 1919.

Р. S. Русскій текстъ статьи Л. Н. Андреева былъ давно намъ посланъ, но мы его почему то не получили. Редакціи англійскихъ и французскихъ газетъ по телеграфу четыре раза получали англійскій переводъ этой статьи, но не рѣшались ее напечатать!

Я не считалъ себя вправѣ дольше ждать оригинала русскаго текста и далъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ переводъ статьи Л. Н. Андреева съ англійскаго на французскій языкъ.

Извиняюсь въ этомъ и передъ читателями и особенно передъ самимъ Л. Н. Андреевымъ. Я убѣжденъ, что ни мои читатели, ни самъ авторъ не будутъ обвинять меня за это. Я не считалъ себя вправѣ долѣе ждать присылки оригинальнаго текста.

Такіе историческіе документы, какъ „S. O. S.“ Андреева, требуютъ того, чтобъ ихъ опубликовывали во время, немедленно, какъ только они попадаютъ въ руки тѣхъ, у кого есть печатный станокъ.

Разумѣется, статья Л. Н. Андреева „S. O. S.“ будетъ снова нами переиздана по русски, какъ только мы получимъ подлинный ея текстъ.

В. Б.

СПАСИТЕ!

(S. O. S.)*

Статья Л. Н. Андреева.

Отношеніе союзныхъ правительствъ къ Россіи — или измѣна, или безуміе!

Или союзники знаютъ, кто эти большевики, которыхъ они приглашаютъ на Принцесы острова для заключенія мира съ истекающей кровью и умирающей Россіей, — и тогда это — простое предательство, отъ другихъ предательствъ отличающееся только своими огромными размѣрами, но его цѣль сегодня та же самая, что и во времена Іуды:

Голгофа — для однихъ, тридцать серебрянниковъ — для другихъ!

Или союзники не знаютъ, кто такіе большевики, которыхъ они приглашаютъ на дружеское свиданіе, — и тогда это — безуміе! Безуміе, — потому что послѣ полутора лѣтъ царствованія большевиковъ въ Россіи, послѣ вспышекъ большевизма въ Германіи и въ другихъ странахъ, только безумецъ можетъ не видѣть и не понять всей силы зла и разрушенія, совершеннаго этими дикарями въ Европѣ, возставшими противъ ея культуры, ея законовъ и ея моральнаго кодекса.

Да, надо быть безумцемъ, чтобы не понимать простыхъ и ясныхъ дѣйствій большевизма!

Надо быть безъ глазъ, какъ слѣпые, или имѣть

*) Условныя буквы, которыя посылаетъ телеграфистъ съ тонущихъ кораблей.

глаза и ничего не видѣть, чтобы не замѣтить на лицѣ огромной, искалѣченной Россіи — убійствъ, разрушеній, кладбищъ, тюремъ, сумасшедшихъ домовъ, чтобы не видѣть, до чего голодъ и ужасъ довели Петроградъ и — увы! — многіе другіе города...

Надо быть безъ ушей, быть глухимъ, или имѣть уши и не слышать рыданій, вздоховъ, плача женщинъ, раздирающаго крика дѣтей, хрипа душимыхъ людей и треска ружейныхъ выстрѣловъ палачей, всего того, что стало за послѣдніе полтора года единственной пѣснью Россіи!..

Надо совершенно не знать разницы между правдой и ложью, дозволеннымъ и недозволеннымъ, какъ не знаютъ этой разницы помѣшанные, чтобы не чувствовать смысла большевистской сатурниальной и постоляной михельжи, — то безжизненной и глупой, какъ бормотанье пьницы — жи-ленни-скихъ декретовъ, — то звонкой и напыщенной — лжи трѣсей обогрѣннаго мировью шута Троцкого, — то, наконецъ, лжи безжизненной и наивной, какъ ложь, которую обманываютъ маленькихъ дѣтей.

И еще нужно быть совершенно безпамятнымъ, какъ беспомощные больные, лишившіеся разсудка, чтобы забыть заломбированный похвѣдь Ленина, чтобы забыть, что русский большевизмъ вышелъ изъ утробы германскаго имперскаго банка и преступной души Вильгельма, чтобы забыть Брестъ-Литовскій миръ, задуманный нѣмецкими агентами, какъ послѣдняя возможность побѣды надъ союзниками. Надо быть совершенно безъ памяти, чтобы забыть Пруссію и Галицію, обогрѣвныя русской кровью, забыть Корвизова, Каледина, павшихъ жертвою долга и вѣрности союзникамъ, забыть адмирала Щастнаго и Духонина, разрушенный Ярославль, молодыхъ энкеровъ и студентовъ, которые шали, не теряя вѣрность Россіи и възвась, дорожѣ союзники, забыть эти тысячи русскихъ офицеровъ, которыхъ за эту же вѣру преслѣдо-

вали, убивали, тнали какъ собаку, которыхъ вы теперь — о, я знаю, вы дѣлаете это безсознательно! — такъ жестоко оскорбляете свою мягкостью по отношенію къ ихъ убійцамъ и чалачамъ.

И какъ верхъ забывчивости надо было забыть, что Вильгельмъ — германскій императоръ — собирался завтракать въ Парижѣ и, если это ему не удалось, а удалось Вильсону, то только потому, что Вильсонъ могъ безопасно переплыть два океана — океанъ Атлантическій и океанъ русской крови, пролитой въ защиту общаго дѣла союзниковъ.

И еще: надо быть совершенно лишеннымъ даже чувства порядочности, надо быть совершенно неспособнымъ отличать чистаго отъ грязнаго, какъ умалишенные, которые ѣдятъ объѣдки вмѣсто пищи, моются помоями, — чтобы проглотить съ пріятной улыбкой всѣ оскорбленія, насмѣшки и пощечины, которыми большевики награждали представителей союзныхъ націй въ Петроградѣ.

Я не смѣю говорить о Вильсонѣ, который въ отвѣтъ на свою телеграмму, полную симпатіи къ молодому «сговорчивому» правительству, получилъ хлесткую пощечину отъ Зиновьева. Не смѣю потому, что христіанину и другу человечества это могло только дать поводъ подставить другую щеку, — что и произошло на нашихъ глазахъ.

А нападеніе на великобританское посольство? А убійства тамъ? А прокламація, объявившая британскихъ подданныхъ внѣ закона?

Надо быть, наконецъ, дикаремъ, какъ сами большевики, надо быть морально искалѣченнымъ, чтобы, имѣя уши и глаза, разсудокъ и волю, оставаться безстрастнымъ къ безчеловѣчному поведенію большевиковъ и называть его иными словами, чѣмъ преступленіе, убійство, ложь и разбой.

Надо быть совершенно лишеннымъ какихъ-бы то ни было человѣческихъ чувствъ или обладать нравственнымъ чувствомъ идіота или сумасшедшаго, чтобы при видѣ негодяя, насилующаго женщину, или при видѣ жестокой матери, мучающей ребенка, назвать это «сихъ внутренними дѣлами» и не вмѣшиваться подъ предлогомъ, что подобныя дѣла, кѣмъ бы они не творились, называются «соціализмомъ» и «коммунизмомъ».

Эти слова — священны для человѣчества, они обладаютъ силою чаровать человѣческую душу. Но когда злые скоморохи называютъ именовемъ «передовой гвардіи китайской революціонной демократіи» невѣжественныхъ и низкихъ наемныхъ убійць-китайцевъ, надо имѣть не живую, а мертвую душу, чтобы попасться въ такую жалкую и безстыдную ловушку. Да, именно безстыдную, ибо употребленіе желтыхъ наемныхъ убійць, чтобы вырѣзывать европейцевъ, — вещь до сихъ поръ неслыханная въ аналахъ самыхъ страшныхъ европейскихъ тираній.

И жутко подумать, что Европа больше года всѣми своими глазами смотритъ на зрѣлище этихъ экзотическихъ звѣрей, терзающихъ наше сердце и до сихъ поръ все еще не можетъ опредѣлить, что это — «передовая гвардія демократіи», или «передовая гвардія дьяволовъ», выпущенныхъ изъ ада, чтобы разрушить нашу несчастную Землю?... Видятъ, и все же посылаютъ приглашеніе на Принцессы острова!

Однако, никто не можетъ допустить, что великими державами управляютъ паціенты изъ Желтаго Дома. Ихъ знаютъ во всемъ мірѣ какъ энергичныхъ людей, проявившихъ такъ много здраваго смысла въ теченіе этой войны, и уваженіе, которое они заслужили даже у своихъ враговъ, дѣлаетъ самую мысль объ ихъ ненормальности не только бессмысленной и недопустимой, но даже оскорбительной.

Но нѣтъ, нѣтъ! — они не сумасшедшіе!

Но если это не помѣшательство, то что же это?

Жизнь не всегда можно уложить въ рамки немолимой логики.

Вотъ предо мною портретъ Вильсона съ его широкой и откровенной улыбкой. Я вижу ту же улыбку на лицахъ его сотрудниковъ, и тѣмъ не менѣе, мнѣ трудно повѣрить въ искренность этой успокоительной и безпечной улыбки.

Такъ ли ясна душа Вильсона, какъ его черты на портретѣ? Такъ ли спокойны и смѣлы мысли Ллойдъ-Джорджа, какъ выраженіе его глазъ? Нѣтъ ли у нихъ тайнаго страха, колебаній, или безпкойной нерѣшительности, происходящей отъ недостаточно ясныхъ расчетовъ? Если такъ, то нѣтъ необходимости объяснять случившееся простой измѣной...

Тогда не имѣемъ ли мы предъ собою, вмѣсто классической и страшной фигуры Іуды, не менѣе классическую, но болѣе обыденную и общераспространенную фигуру Пилата, умывающаго руки?

Пилать зналъ, что Христось не виновень. Объ этомъ его предупредила его жена. Онъ не былъ ни безумцемъ, ни негодяемъ, онъ былъ только Пилатомъ и, говоря: «Я не повинень въ крови этого человѣка!», онъ умылъ свой руки и послалъ невиновнаго къ Каіафѣ. Каіафа послалъ его къ Аннѣ, а Анна послала его обратно къ Каіафѣ.

Это хожденіе Христа отъ одного судьи къ другому съ веревкой на шеѣ, не напоминаетъ-ли оно посылку Россіи на Принцезы острова?

— Иди же Россія, ты дойдешь до самаго креста!

Не повинны въ твоей крови Вильсонъ и Ллойдъ-Джорджъ!

Развѣ весь міръ не видѣлъ, какъ они умывали свой руки?

Всѣ это видѣли, и многіе даже услужливо поспѣшили поднести имъ полотенце!

Стоило ли только начинать партію такъ громко, чтобы кончить ее фальцетомъ Пилата? Къ чему было тогда оборонять нейтралитетъ Бельгіи, стать на защиту Сербіи, поставить на моги милліоны людей, пролить цѣлый океанъ крови, угрожать Германіи страшнымъ судомъ за ея безчеловѣчность, плакать надъ Лувэномъ и Лузитаніей, призывать небо въ свидѣтели, пять лѣтъ подъ яремъ бить себя въ грудь передъ Богомъ челоуѣчества, и кончить умывальной чашкой!...

Мірѣ ждалъ побѣды союзниковъ; какъ ждуть пасхальнаго благоуѣста, какъ ждуть воскресенія мертвыхъ!

Этого ждали и сами мертвые — тѣ мертвые, цѣною жизни которыхъ куплена побѣда.

Люди вѣрили, что съ побѣдой этихъ благородныхъ джентельменовъ воцарится правосудіе на землѣ, что міръ, установленный ими, будетъ чистостоящимъ міромъ, а не началомъ новыхъ мукъ, убійствъ, огня и истребленія беззащитныхъ.

И когда зазвонили колокола побѣды надъ обогрорной кровью земель, сколько несчастныхъ людей увидѣли зарю надежды и счастья! Какъ почернѣли и перекосились отъ страха лица убійць передъ лицомъ восходящаго закона!

Это были дни волшебной сказки! Измученный и мрачный Петроградъ улыбался и вѣрилъ въ англичанъ, какъ въ Бога. Это былъ странный и счастливый сонъ, который можетъ привидѣться только мученикамъ, когда каждый выстрѣлъ казался выстрѣломъ изъ англійскаго орудія, и все бѣжало къ Цевѣ, чтобы увидѣть «англійскій флотъ, который пришелъ ночью».

И дрожали убійцы, — имъ достаточно было бы пугала, похожаго на англичанина, чтобы вса ливайна этихъ Каиновъ въ циническомъ страхѣ обратилась въ бѣгство.

Вы обвиняете съ забавнымъ упрямствомъ Вильгельма, стараго, наглаго, слабаго. Вы хотите сеу-

идить его за грѣхи его народа, и въ то же время протягиваете руку здоровымъ, молодымъ убійцамъ, чудовищамъ и ублюдкамъ, до сихъ поръ проливающимъ кровь невинныхъ! И убійца чувствуетъ, что ласкаютъ его руку и его ободряютъ!... Онъ не думаетъ уже больше о бѣгствѣ. Онъ смеется надъ нами. Онъ не боится уже больше даже живого англичанина, ибо ширинимаетъ его за плугало.

Война кончена! Больше не убиваютъ! Долой оружіе! Вотъ тѣ благословенныя слова, которыхъ люди ждали отъ союзниковъ, когда ихъ оружіе украсилось гирляндой побѣды, — и вмѣсто нихъ, этихъ словъ — струйка тепловатой гуманности, которую Вильсонъ поливаетъ горячіе угли!

И кровь! кровь! кровь!

Теперь, какъ и раньше, раздаются выстрѣлы. Кто то беретъ, кто то отдаетъ города. Кто то избить и чье то горло перерѣзано. Что то разбито, что то уничтожено...

Со скоростью лѣсного пожара, раздутаго ураганомъ, распространяется безцѣльный кровавый бунтъ, стелется надъ землею, вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, разбрасывая искры то сухой травѣ... И усталая Европа, съ ея нервами, ослабленными пятью годами лишеній, еще не успокоившаяся отъ психическаго возбужденія, созданнаго войною, ея массами, потерявшими душевное равновѣсіе и легко поддающимся самымъ дикимъ внушеніямъ.

Европа-бесильна оказывать сопротивленіе этому пожару. Нерѣшительность и двойная игра, которую играютъ «всегда мировой политики», мѣшаетъ имъ занять опредѣленную позицію, стать на эту или другую сторону и толкаетъ Европу въ смертельный объѣтъ бунта, который задушилъ уже революціонеровъ Россіи, одушилъ ее въ Германіи и австріи, если же сегодня, проследитъ надъ Европой,

а потомъ и надъ Америкой, неся съ собою рѣзню и грабежи и войну всѣхъ противъ всѣхъ.

Сегодня Берлинъ безъ электричества. Завтра въ Лондонѣ не будетъ угля. Еще нѣсколько недѣль и можетъ быть стануть всѣ желѣзныя дороги. Нагруженныя хлѣбомъ суда будутъ задержаны въ портахъ и костлявый голодъ воцарится надъ Европой и смететь правыхъ и виноватыхъ.

Такъ судьба отомститъ за нарушеніе обѣтовъ, данныхъ союзниками передъ Богомъ человечества!

Но не къ правительствамъ Согласія, которыя уже сказали свде обидное слово, не къ нимъ обращена моя мольба: «Спасите насъ!» Не къ тѣмъ, что нарушили обѣтъ, а къ вамъ, люди Европы, въ чье благородство я вѣрю сегодня, также какъ я вѣрилъ вчера.

Какъ телеграфистъ на тонущемъ суднѣ посылаетъ ночью, когда вокругъ мракъ, послѣдній призывъ: «На помощь! Скорѣе! Мы тонемъ! Спасите!» — такъ и я, движимый вѣрою въ доброту человѣка, бросаю въ пространство и мракъ свою мольбу о тонущихъ людяхъ.

Если бы вы только знали, какъ черна ночь вокругъ! Если бы слова мои могли описать всю густоту этого мрака!

Но кого я зову? Я не знаю!

Развѣ знаетъ телеграфистъ, кого онъ зоветъ? На тысячу верстъ кругомъ, можетъ быть, море пустынно и ни одна живая душа не услышитъ призыва!

Ночь темна... Можетъ быть, кто-нибудь далеко слышитъ этотъ призывъ, но думаетъ: «Зачѣмъ мнѣ идти туда? Я тоже могу погибнуть!» И продолжаетъ свой путь...

Ночь темна... И страшно море! Но телеграфистъ вѣритъ и упрямо зоветъ, зоветъ до послѣдней минуты, пока не потухнетъ послѣдній огонь и не

замолчить навсегда его беспроволочный телеграфъ.

Во что онъ вѣрить? — Онъ вѣрить въ человечество, также какъ и я. Онъ вѣрить въ законъ человѣческой любви и жизни.

Не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ не помогъ другому, когда тотъ погибаетъ! Не можетъ быть, чтобы одинъ человѣкъ предалъ другого смерти, безъ помощи, безъ попытки помочь! Не можетъ быть, чтобы призывъ на помощь остался безъ отвѣта!

Ктонибудь долженъ придти! Я не знаю его имени, но я вижу, какъ ясновидецъ, его черты, его душу, родственную моей.

Я чувствую, какъ желаніе помочь напрягаетъ его мускулы, обостряетъ его зрѣніе, освѣщаетъ путь его быстрому, рѣшительному разуму.

Я не для русскаго народа молю о помощи.

Спасти русскій народъ слишкомъ великая задача. Только Богъ властенъ надъ жизнью и смертью его!

Въ эти печальные дни, когда презрѣніе и смѣхъ дураковъ стали удѣломъ великой и въ грязь втопанной Россіи, я съ гордостью ношу имя русскаго и твердо вѣрю въ будущее и славу Россіи.

Такіе великаны, какъ русскій народъ, не могутъ погибнуть!

И придутъ ли союзныя правительства на помощь Россіи или предоставятъ ей самой выбраться изъ гніющаго болота, все равно: въ назначенный часъ Россія возстанетъ изъ своего гроба, выйдетъ на путь свѣта и по праву займетъ свое мѣсто среди великихъ народовъ міра.

Но то, что страшно для насъ, смертныхъ людей, чья жизнь длится лишь моментъ, для безсмертнаго и великаго народа не больше, чѣмъ одно біеніе сердца.

Сотни тысячъ мертвыхъ, нѣсколько лѣтъ стра-

даний, что это для Россіи съ ея огрѣшной, неизмѣримой судьбою?

Нѣтъ, не помощи для Россіи. я прошу у тебя, человекъ, котораго я жду!

Но подумай объ этихъ тысячахъ людей, у которыхъ только одна жизнь, жизнь, длящаяся одно мгновеніе, и которые умираютъ въ невыносимыхъ страданіяхъ, или живутъ, но жизнью худшею чѣмъ смертью.

Неважно, что они носятъ имя русскихъ, но важно то, что эти человѣческія существа, страдаютъ безъ проблеска свѣта, какъ если бы они были въ самомъ аду, откуда нѣтъ возврата и гдѣ силы зла и ужаса неограниченно царятъ надъ воѣмъ.

Ихъ страданіямъ можно еще положить предѣлы, ихъ шею можно еще освободить изъ когтей смерти.

Объ ихъ спасеніи я молю человѣчество.

Другъ! Я не пытаюсь даже рассказать, какъ ужасна теперь жизнь у насъ въ Россіи, въ нашемъ замученномъ Петроградѣ. Довольно словъ уже было сказано другими и новыхъ словъ не найти на человѣческомъ языкѣ!

Но чтобы подвести итогъ этимъ страданіямъ я прибавлю только одно: жертвы умираютъ безъ защиты, а убійцы ходятъ безъ наказанія!

Не страшно умереть или испытывать тягчайшія страданія, когда чувствуешь за собой руку закона, который рано или поздно, учтетъ количество пролитой крови, и не приравняетъ ее къ бутылкѣ водки, которую пьяница пролил на мостовую.

Не страшно умереть, когда знаешь, что рано или поздно проснется совѣсть убійцы и осудитъ его. Но невыносимо страдать и страшно умирать, когда преступленіе происходитъ на базарной площади, при свѣтѣ дня, подъ равнодушными взорами людей и самага неба, и умирая зная, что у убійцы нѣтъ совѣсти, что онъ наѣлся до-сыта, ве-

сель, богаты и что подъ прикрытiемъ заманчивыхъ фразъ оныхъ не только избѣжить наказанiя, но заслужить уваженiе и лeсть!

Страшно, когда голодають и умирають дѣти, а сыты убійцы, и Троицкiй вливаетъ въ свою глотку послѣднюю бутылку молока!

Страшно, когда петроградскiя кладбища не вмѣщаютъ больше покойниковъ, а убійцамъ открыта дорога не только на Принцевы острова, но и повсему свѣту и, что награденныя ими богатства дадутъ имъ возможность жить въ теплыхъ краяхъ и въ самыхъ красивыхъ мѣстахъ на всемъ продажномъ земномъ шарѣ!

Другъ! Тотъ, кого я призываю, подойди ко мнѣ, протяни мнѣ руку!

Я обращаюсь къ каждому отдѣльному французу.

Пусть ваши вожди слабы, пусть они ошибаются, но тогда поправьте ихъ ошибки и своей силой укрѣпите и умножьте ихъ силу!

Съ самаго дѣтства я научился любить и уважать тебя. Въ исторiи французской жизни я привыкъ находить великiе примѣры рыцарства и благородства. Отъ тебя я узналъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. У тебя я научился вѣрѣ, съ которой жилъ всю свою жизнь, и которую надѣюсь сохранить до конца моихъ дней.

Я рыдалъ, когда нѣмецкiя орды ногами топтали твою прекрасную Францiю и я знаю, что ты не можешь посмѣяться надъ льющимися слезами.

И тебя, англичанинъ, молю я о нашемъ спасенiи!

Это ты, на твоемъ языкѣ, создалъ призывъ, который сталъ закономъ морей, призывъ, который, заставляетъ всякое судно поворачивать въ сторону тонущаго корабля. Въ твоихъ ушахъ мой призывъ не прозвучитъ напрасно!

Когда Германія громко пѣла свой ненавистный тебѣ гимнь, въ немъ звучалъ уже страхъ и предчувствіе неизбѣжнаго пораженія, какъ, если бы она знала заранѣе, что ты человѣкъ, чье слово законъ и чье обѣщаніе равно совершившемуся факту.

Сыграй же свою роль Человѣка, подойди ко мнѣ! Протяни мнѣ руку, ибо гибнутъ человѣческія жизни, ибо мрутъ женщины и дѣти!

И тебя, американецъ, зову я! Ты молодъ, богатъ, ты полонъ силъ и энергіи. Ты хочешь, чтобы факель твоей свободы освѣтилъ всю Европу.

Прійди къ намъ! Посмотри на нашу тяжкую долю! Посмотри, какъ измучены наши души и тѣла! Только взгляни, и я знаю прекрасно, что ты крикнешь отъ ужаса и проклянешь обманщиковъ и лгуновъ, выдающихъ свою тиранію за страстное желаніе свободы русскаго народа.

И ты, итальянецъ, и ты, шведъ, и ты, индусъ, — всѣ, всѣ, кто услышитъ мой зовъ!

Среди всѣхъ народовъ есть люди сердца, и я зову ихъ cadaго въ отдѣльности.

Ибо насталь часъ, когда люди всего свѣта должны сражаться не за землю, не за богатство и власть, но за Человѣка и его побѣду надъ звѣремъ.

Все то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, что началось уже — и продолжится въ Германіи, а оттуда пойдетъ дальше — все это — не революція, — это хаосъ и тьма, вызванные войною изъ черныхъ берлогъ и вооруженные войною для разрушенія міра.

Пусть ваши нерѣшительныя правительства дадутъ только оружіе и деньги, вы же люди, дайте самихъ себя, вашу силу, благородство и храбрость!

Пусть отдыхаютъ усталые, пусть слабовольные грѣются въ своихъ теплыхъ уголкахъ, пусть

спитъ, кто можетъ, въ эту страшную ночь, но вы, сильные, вы бодрые, кто имѣетъ храброе сердце, придите на помощь, тѣмъ, кто гибнуть въ Россіи!

Мой послѣдній призывъ обращенъ къ тебѣ, писателю всѣхъ странъ, кто бы ты ни былъ, англичанинъ, французъ или американецъ!

Поддержи мою мольбу о гибнущихъ!

Я знаю, что сотни милліоновъ брошены за-границу, чтобы подкупить печать. Я знаю, что тысячи печатныхъ станковъ фабрикують и распространяють ложь, что тысячи лгуновъ кричатъ, вопяютъ и мутяють воду, населяють міръ чудовищными фантомами и масками, подъ которыми исчезаютъ живыя человѣческія черты.

Самый воздухъ купленъ и отравленъ ложью, а беспроводный телеграфъ при помощи своихъ дьявольскихъ волнъ наполняетъ всѣ редакціи фальшивыми новостями, долбитъ въ голову и затемняетъ разумъ.

Но я знаю, что и среди писателей есть люди подобные древнимъ рыцарямъ - храмовникамъ, которые пишутъ не чернилами, а кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ, — и къ нимъ я обращаюсь — къ каждому отдѣльно и ко всѣмъ вмѣстѣ.

Спасите насъ! Поймите опасность, предъ которой стоитъ человѣчество!

Помогите!

Но скорѣе!...

Придите скорѣе!...

Леонидъ Андреевъ.

Léonide Andréieff „*Au Secours!*“

(S. O. S.), préface de V. Bourtzeff 1 fr. —

V. Bourtzeff „*Les deux fléaux
du monde. Les bolcheviks et l'impé-
rialisme allemand*“ Paris, 1917

(Payot et Cie). 1 fr. 50 c.

V. Bourtzeff „*Soyez maudits,
bolcheviks!*“ (Lettre ouverte

aux bolcheviks). — 50 c.

Pour recevoir ces éditions s'adresser à :

V. Bourtzeff, 49, Bd St-Michel, Paris.

Prix 1 fr.